
Межкультурное многоголосие в философии. Размышление над книгой*

© 2023 г.   А.В. Малинов

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 199034,
Университетская наб., д. 7-9; Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, 109028, Покровский бульвар, д. 11.*

E-mail: a.v.malinov@gmail.com

Поступила 29.06.2023

Статья представляет собой рецензию-размышление над книгой «Сравнительная философия: от сравнительной к межкультурной философии», подготовленной по преимуществу сотрудниками сектора восточных философии Института философии РАН. Отмечается, что книга является первым наиболее полным опытом межкультурного философствования в российском философском пространстве. Межкультурная философия обосновывается как место встречи различных точек зрения и философских традиций, способствующих взаимному обогащению и стимулирующих дальнейшее развитие в философии. Открытость различным интеллектуальным традициям при критическом осмыслении влияний является нормальной, естественной ситуацией в философии. В то же время межкультурная философия признает неизбежность асимметричности влияний при потенциальном равенстве философских традиций, которое может иметь и негативные последствия, примером которых иногда становится доминирующее воздействие западной философии. Указывается, что межкультурная философия исходит из идеи децентрализации философии, признает более сложным вопрос о зарождении философии, которая может иметь не одно начало, выступает за отказ от западоцентризма в философии. В рамках межкультурной философии поднимаются важные для самоопределения философии вопросы о связи философии с языком, о специфике философского мышления, о возможности философского мышления, отличного от западного типа мышления и др. Последователи межкультурной философии обращают внимание на то, что периодизация истории философии, методы, интерпретационные схемы, принятые в западной философии, часто не работают на материале других философских традиций. По этой причине последователи межкультурной философии предлагают новую модель истории философии, отдающую предпочтение проблемам, а не персоналиям, системам мышления или странам и признающую культурную детерминированность философского мышления.

Ключевые слова: межкультурная философия, диалог, влияние, западоцентризм, культурная обусловленность, контекстуальность, национальная философия.

DOI: 10.21146/0042-8744-2023-11-34-43

Цитирование: *Малинов А.В. Межкультурное многоголосие в философии. Размышление над книгой // Вопросы философии. 2023. № 11. С. 34–43.*

---

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г.

Intercultural Polyphony in Philosophy. Reflection on the Book*

© 2023 Alexey V. Malinov

Saint-Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; National Research University Higher School of Economics, 11, Pokrovskiy bul., Moscow, 109028, Russian Federation.

E-mail: a.v.malinov@gmail.com

Received 29.06.2023

The article is a review-reflection on the book *Comparative Philosophy: from Comparative to Intercultural Philosophy*, prepared mainly by employees of the Oriental Philosophy Department of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. It is noted that the book is the first most complete experience of intercultural philosophizing in the Russian philosophical space. Intercultural philosophy is substantiated as a meeting place for different points of view and philosophical traditions that promote mutual enrichment and stimulate further development in philosophy. Openness to different intellectual traditions while critically considering influences is a normal, natural situation in philosophy. At the same time, intercultural philosophy recognizes the inevitability of asymmetric influences with the potential equality of philosophical traditions, which can also have negative consequences, an example of which is sometimes the dominant influence of Western philosophy. It is indicated that intercultural philosophy proceeds from the idea of decentralization of philosophy, recognizes the issue of the origin of philosophy, which can have more than one beginning, as more difficult, advocates the rejection of Western centrism in philosophy. Within the framework of intercultural philosophy, important questions for the self-determination of philosophy are raised about the connection between philosophy and language, about the specifics of philosophical thinking, about the possibility of philosophical thinking that is different from the Western type of thinking, etc. Followers of intercultural philosophy pay attention to the fact that the periodization of the history of philosophy, methods, interpretive schemes adopted in Western philosophy often do not work on the material of other philosophical traditions. For this reason, followers of intercultural philosophy propose a new model of the history of philosophy, which favors problems over personalities, systems of thought, or countries, and recognizes the cultural determinism of philosophical thinking.

Keywords: intercultural philosophy, dialogue, influence, Western centrism, cultural conditioning, contextuality, national philosophy.

DOI: 10.21146/0042-8744-2023-11-34-43

Citation: Malinov, Aleksey V. (2023) "Intercultural Polyphony in Philosophy. Reflection on the Book", *Voprosy filosofii*, Vol. 11 (2023), pp. 34–43.

Книга «Сравнительная философия: от сравнительной к межкультурной философии» является пятой в издающейся с 2000 г. серии «Сравнительная философия». На этот раз сборник, подготовленный Мариэттой Тиграновной Степанянц и преимущественно

---

* The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2023.

сотрудниками сектора восточных философий Института философии РАН, посвящен межкультурной, или интеркультурной, философии. И книгу эту можно считать знаковым событием, поскольку она является удачным и, пожалуй, в таком масштабе первым примером межкультурного философствования в русскоязычном философском пространстве. Помимо оригинальных статей и интерпретаций концепций восточных мыслителей с точки зрения межкультурной философии в статьях сборника ставятся принципиальные вопросы, касающиеся самоопределения философии – книга, скорее, открывает дискуссии о межкультурной философии, а не дает окончательные ответы. Поисковый характер работ по межкультурной философии объясняется в том числе и тем, что это достаточно новое направление, возникшее в 1980-х гг. в Германии и Австрии. Хотя уже появились признанные авторитеты в области межкультурной философии, тем не менее становление ее методологии и предметного поля еще не завершено. Новая книга делает существенный шаг в этом направлении. Ее репрезентативность объясняется не только широтой охвата материала и публикацией работ авторов, которые стояли у истоков межкультурной философии, но и разнообразием точек зрения на саму межкультурную философию.

Уже «Предисловие» к книге, написанное М.Т. Степанянц, вводит в проблематику межкультурной философии и конспективно освещает содержание статей сборника [Степанянц (ред.) 2022, 7–17]. К постулатам межкультурной философии можно отнести идею децентрализации философии, признание разнообразия ее форм и способов демонстрации ее результатов. По словам одного из авторов сборника, индийского философа Р.А. Малла: «Ни одна философия не может быть философией для всего человечества» [Там же, 19]. Отказ от абсолютизации какой-либо одной точки зрения, школы, концепции или традиции в философии он поясняет в таких выражениях, как «единство без однообразия» или «единство перед лицом разнообразия». Межкультурная философия формулирует новые вопросы, охватывающие основные элементы системы отношений человека: к себе, к другим людям, к миру. В ориентации на разнообразие Р.А. Малл видит созвучие «духу постмодерна» [Там же, 20]. Однако опасность релятивизма, которой угрожает господство постмодернистского мировоззрения, следует купировать новой формой порядка, в том числе формулированием новой модели истории философии. Как пишет Р.А. Малл, это «порядок в различиях, через различия и с различиями, который делает возможным хор из разных голосов» [Там же, 22].

К особенностям межкультурной философии можно отнести открытость и терпимость к различным учениям и точкам зрения в философии, а также самокритичность. Межкультурная философия, по словам профессора венского университета Б. Ботевой-Рихтер, «последовательно придерживается тезиса о равенстве различных философских традиций и их достижений» [Там же, 223]. В своей статье она предпочитает использовать выражение интеркультурная философия и поясняет, что «“интер-”, или по-немецки “zwischen-”, подразумевает открытое, динамичное и свободное от властных отношений пространство, которое должно обеспечивать возможность сравнения культур или диалога между ними» [Там же, 226]. Заимствование варваризма «интер-» позволяет расширить и смысловые возможности русскоязычной философской терминологии, используя его наравне с приставкой «меж-». Различие между ними и способами употребления в многообразных философских контекстах показаны в статье О. Назаровой «О сущностном отличии “меж-” от “интер-”: от межкультурного к интеркультурному философскому полилогу в европейском культурном пространстве» [Назарова 2021].

Само название нового направления указывает на зависимость философии от породившей ее культуры. В этом отношении процессы, которые происходят в философии при встрече с другой интеллектуальной традицией, не отличаются принципиально от пересечения разных культур. Такая встреча может дать толчок культурному развитию, но может и заглушить, подавить самобытное развитие, навязав культуре новые для нее смыслы и ценности, и тем самым кардинально переориентировать автохтонную культуру. Межкультурная философия, рассматривая взаимодействие культур, имеет

в виду все же ситуацию обогащения (в идеале взаимного) философских традиций, получающих новый импульс для развития, хотя естественной реакцией при столкновении с чужой культурой является не только подражание ее формам и заимствование нового интеллектуального опыта, но и ее критическое восприятие (отсутствие критической реакции на воздействие чужой культуры может привести к гибели – ассимиляции – культуры-реципиента). При усилении критической тенденции, постепенном проявлении негативных сторон заимствований все более явными становятся отличия двух культур. Осознание этих различий приводит к пониманию самобытности автохтонной культуры, рефлексивном выявлении ее оснований, которые до встречи с чужой культурой казались не столь очевидными. Следующим шагом будет новый культурный синтез или отказ от деструктивных элементов культуры-донора. Схожая динамика обнаруживается и в случае столкновения нескольких философских традиций. Межкультурная философия предлагает выработать механизм их продуктивного взаимодействия и рассматривает на историческом материале примеры как позитивного, так и негативного взаимного влияния философий. Канадский философ Д. Ганери даже пишет о необходимости защиты той философии, которая воспринимает влияния: «Образ мышления нового зарождения должен сочетать обращение к туземному с защитными диалектическими навыками» [Степанянц (ред.) 2022, 352]. Выражение «новое зарождение», которое использует Д. Ганери, показывает, что последователи межкультурной философии связывают с ее распространением наступление нового периода в философии. Этим вызвана декларативность некоторых работ по межкультурной философии, в том числе и статьи Д. Ганери, озаглавленной «Манифест заново рождаемой философии», их порой избыточная идеологичность. В манифестах критикуется старый и провозглашается новый этап философии или «новое зарождение».

Впрочем, новизна межкультурной философии может быть оспорена как историей философии, так и проблематичностью ее результатов. Так, с одной стороны, авторы сборника на примерах из истории восточных философий хорошо показывают факты межкультурного обмена и их отражения в философии; дают понять, что периоды расцвета той или иной национальной философии нередко были результатом освоения чужого интеллектуального опыта. Межкультурная философия, таким образом, мыслится не как будущее философии, а как рефлексия относительно чего-то уже имевшего место в истории философии. Межкультурность – это нормальное, естественное состояние философии, то есть состояние открытости. С другой стороны, отказ от «абсолютной точки зрения» ставит под сомнение возможность обрести «общую почву» и в конечном итоге договориться. Р.А. Малл, в частности, прямо отдает предпочтение процессу над результатом. По его словам, «коммуникация имеет приоритет над консенсусом» [Там же, 35]. Отказ от стремления к договоренности, к взаимному пониманию, делает межкультурную философию безразличной к результату, по которому, собственно, и опознается тот или иной период ее. А значит, межкультурная философия, осознаваемая как «нормальное» состояние философии в ее прошлом или как ее будущее, заставляет задуматься о расширении критериев философствования.

Прежде всего, она обозначает необходимую связь философии с мышлением и действием. Межкультурная философия исходит из убеждения, что не существует застывших форм мышления, поскольку является способом творческого освоения мира. Б. Ботева-Рихтер прямо пишет о философии как разновидности творчества [Там же, 222]. Однако открытым остается вопрос: что такое мышление? И что такое философское мышление? Чем они детерминированы и мотивированы? Прежде всего, философский разум противопоставляется практически-заинтересованному мышлению; это бескорыстный поиск истины. Мышление, которое не ведет к познанию, которое ориентировано только на практические нужды, не является философией. В греческой философии были сформулированы критерии такого мышления: категориальное, дедуктивное, ответственное. Пришла ли пора от них отказаться и при этом не потерять саму философию? В крайних своих проявлениях межкультурная философия, переходя на агрессивный идеологический жаргон постколониальной критики, кажется, готова

отказаться от этих критериев. Перед межкультурной философией стоит трудный выбор между признанием единства человеческого мышления, означающего в перспективе возможность прийти к соглашению и даже другим формам единства (социального, религиозного, культурного и проч.) и принципиальной несводимостью, несхожестью разных типов мышления. От этого выбора зависит вся аксиоматика межкультурной философии. Д. Ганери, в частности, показывает отличия способов мышления на примерах логических школ Индии. Он уточняет, что «есть множество способов исследования реальности, существование которой не зависит от вопрошателя как человеческого существа, множественность способов мышления, которая не может быть сведена к какому-либо единственному способу вопрошания (тем более к колониальному использованию разума)» [Степанянец (ред.) 2022, 357].

Межкультурная философия и само мышление предстает как место встречи с другими точками зрения, как «пространство агона». Если результатом такого соприкосновения становится новый смысл, то можно говорить о плодотворности встречи. Б. Ботева-Рихтер поясняет, что «в результате работы над разными (и схожими) вопросами образуется взаимно конституирующая практика, которая ведет к взаимному идейному обогащению и в конечном счете к новым путям решения философских проблем» [Там же, 228]. Философия – это мышление, адресованное другому, преодолевающее замкнутость индивидуального сознания и надеющееся на то, что оно будет услышано. Если речь идет о встрече разных типов мышления, то оно означает взаимное выступание за пределы традиции или культуры в открытое пространство многоголосия.

Еще одно уточняющее определение философии говорит о том, что философия – это мышление в языке – деятельность по формированию понятий. О философии жеста, поступка или образа можно говорить только в переносном смысле. Укорененность философии в языке кажется столь очевидной, что не требует дополнительных доказательств. Тем не менее такой авторитетный представитель межкультурной философии, как Р.А. Малл, утверждает, что «философия как философия не имеет родного языка» [Там же, 34], что языковые структуры не устанавливают полностью способ философствования. Однако наше мышление столь же вписано в язык, как и в культурную традицию, от которой язык оказывается зачастую неотличим. Слова, которыми мы пользуемся для выражения мысли, не нами придуманы. Как носители языка мы можем вводить в него изменения, но лишь в тех пределах, которые допускает сам язык. В этом отношении более убедительной выглядит позиция, озвученная в статье Р. Псху и А. Парибка «Ведущие философские традиции Евразии: лингвокультуральный подход», отсылающая к «ситуативной герменевтике», то есть анализу структур иноязычного мышления. Как пишут авторы статьи, «грамматика языка часто определяет особенности мышления человека, которые, в свою очередь, отражаются в социо-практике той или иной культуры» [Там же, 341]. Философские традиции формируются только в пределах крупных цивилизаций. Таких цивилизаций авторы статьи насчитывают четыре. История философии показывает, что философская литература и соответствующие интеллектуальные традиции, сложившиеся в рамках этих цивилизаций, опираются на восемь языков, которые следует признать философскими. Философия, таким образом, зависит как от типа цивилизации, так и от грамматических особенностей языка.

Ограниченность философских языков и философских традиций неизбежно ставит вопрос об отношении к ним тех национальных философий и культур, которые не входят в историческое ядро этих цивилизаций. Межкультурное многоголосие в философии задается как минимум комбинацией философских традиций (цивилизаций) и языков. Национальные философии неизбежно оказываются в позиции реципиента по отношению к «большой» философской традиции. Такая диспозиция, в свою очередь, вызывает новую серию вопросов. В какой мере национальная философия может считаться философией? Можно ли подражание и повторение, то есть в широком смысле эпигонство, считать философией или, по крайней мере, придавать ей значение большее, чем пропедевтическое? Можно ли считать опыты самостоятельного мышления, отличные от западного, философией? На последний вопрос авторы сборника, оппонируя

М. Хайдеггеру, дают утвердительный ответ, который, впрочем, вновь возвращает к вопросу о том, что такое мышление.

Надо признать, что в аксиоматику межкультурной философии должен входить принцип единства (как синхронического, так и диахронического) человеческого мышления. Иначе бессмысленным становится и история философии. При этом единство мышления не исключает разнообразие типов мышления, ценность которых признает межкультурная философия. Множество типов и форм философии детерминировано культурными различиями. Однако если межкультурную философию свести к очередной констатации разнообразия культур, определяющих специфику национальных философий, то это уже будет граничить с банальностью, для обоснования которой нет необходимости создавать новое направление в философии. Сознывая это, последователи межкультурной философии предпочитают говорить о ней как о новом методе, а не направлении. Впрочем, и здесь сторонники межкультурной философии остаются верны полифонии. Так, например, Д. Ганери в уже упоминавшейся статье пишет о «сравнительной философии» как эвристическом подходе, а не методе или разделе философии. Б. Ботева-Рихтер видит в интеркультурной философии новую школу мысли и новый метод. М.Т. Степанянец прямо указывает на «межкультурный метод мышления» [Степанянец (ред.) 2022, 374].

Д. Ганери не случайно фактически ставит знак равенства между сравнительной и межкультурной философией, поскольку последняя явным образом вырастает из первой. «Институциональный философский компаративизм, – замечает М.Т. Степанянец, – ... способствовал трансформации философской компаративистики из монолога в диалог с активным участием философов незападного мира. <...> Академическая философия училась не только способности сравнивать, но и межкультурно философствовать» [Степанянец 2020, 14, 15]. Помимо компаративистики к истокам межкультурной философии следует отнести феноменологию и герменевтику. В. Белимова отсылает к мысли Х.-Г. Гадамера о том, что разум является продуктом культуры и времени [Там же, 153]. Герменевтическая история понятий, вновь возвращающая к языковым корням философского мышления, вполне вписывается в представление межкультурной философии о том, что в разных философских языках могут быть даны разные ответы на одни и те же философские вопросы. В. Белимова также прослеживает параллели между феноменологией и философскими школами индуизма и буддизма, частным образом рассматривая встречу феноменологии с философией ньяи в учении Н. Моханти [Там же, 163–168]. Вероятно, не только философия сознания индуистских школ способна обнаружить созвучия с феноменологией. В связи с этим можно вспомнить попытку С.С. Хоружего дать феноменологическую интерпретацию исихазма – перевести духовной опыт восточного христианства на язык современной философии.

В. Лысенко справедливо отмечает в межкультурной философии отголоски постколониальных исследований [Там же, 132–149], критикующих западоцентризм в различных сферах культурной деятельности, в том числе и в философии. Д. Ганери видит в межкультурной философии вариант «интеллектуальной деколонизации», пишет о необходимости защиты от «интеллектуального рабства», настаивает на том, чтобы европейские философии имели свой голос. Впрочем, в его исполнении постколониальный дискурс доходит до фанатизма в проповеди терпимости, и в этом отношении статья Д. Ганери выделяется среди прочих текстов сборника своей идеологической ангажированностью.

Основная часть статей сборника (как написанных или переведенных специально для него, так и – немногих – публиковавшихся ранее) подготовлена на материале восточных философий (индийской, китайской, японской, арабской), причем затрагиваемые в них вопросы по большей части выходят за пределы описания одной философской традиции или школы. Их авторы стараются двигаться в своих интерпретациях в русле межкультурной философии, как они ее понимают. Особый интерес представляют статьи, которые включают рефлексию над самой межкультурной философией. Однако даже в тех текстах, которые затрагивают, казалось бы, частные сюжеты, рассматривается ситуация

встречи национальной философии с западной, неизбежно порождающая рассуждения о «легитимности» той или иной философской традиции. М. Рубец, в частности, показывает это на примере учения китайского мыслителя Чжан Дунсуня, создателя оригинальной теории познания [Степанянц 2020, 240–258], и С. Рыков – на примере философии в древнем Китае [Там же, 58–86]. А на материале современного китайского философского дискурса (Бо Моу, Винсента Шэня, Ма Линь, Япа ван Бракеля) О. Кочеров демонстрирует стратегии межкультурной философии [Там же, 259–286].

Японский материал представлен в статьях Б. Ботева-Рихтер, Л. Кареловой и Е. Скворцовой. Рассматривая философское учение Т. Вацудзи, Б. Ботева-Рихтер отмечает критическое переосмысление японским мыслителем заимствованных философских терминов, приводящее к уточнению или даже изменению их смысла. Интерпретация исторического опыта Японии как межкультурного взаимодействия дана в статье Л. Кареловой, в которой предпринимается межкультурное прочтение философии Нисиды Китаро, Симаму Торатаро, Каратини Кодзина, Мори Аримаса [Там же, 327–337]. Е. Скворцова показывает, как японские мыслители XIX–XX в. выступали проводниками западной философской мысли, рассматривает их терминологические поиски, обозначает отличия и согласование разных точек зрения [Там же, 192–220].

В статье Е. Фроловой арабская философия показана как пример межкультурного развития, подтверждающего плодотворность влияния различных философских традиций [Там же, 287–303]. Н. Емельянова анализирует процессы модернизации на Востоке [Там же, 317–326]. В статье Н. Ефремовой [Там же, 87–101] культурно-цивилизационный диалог рассматривается на примере фальсафы – эллинизированной версии исламской философии (мусульманского перепатетизма). Автор демонстрирует плодотворность открытости культуры, которая привела к расцвету мусульманской цивилизации в VII–XIII вв. и оказала ответное влияние на учения Моисея Маймонида и Фомы Аквинского. Мусульманская средневековая мысль, настаивает Н. Ефремова, есть самостоятельная форма философствования, а не просто мост между Античностью и Средневековьем.

Опыт межкультурного философствования представлен в статье П. Белимория «Межкультурный ответ. Проблема зла и кармодия» [Там же, 169–191]. Сопоставляя теодицею Г.В. Лейбница с концепцией кармы в индуизме, он показывает скорее их разноплановость, чем совместимость, поскольку последний вопрос о *происхождении* зла мало занимает. Впрочем, выбор «Опыта теодицеи» убежденного протестанта Лейбница на роль «образцового» христианского материала для сравнения не может не вызвать вопрос.

В статье Н. Канаевой [Там же, 102–131] показана рецепция западной философии в Индии XIX в., которая привела к становлению здесь профессионального философского образования и «гибридизации европейской и индийской эпистемических культур» [Там же, 112]. Приводимые в статье факты невольно наводили на мысль о типологическом сходстве с другими аналогичными процессами, например в России. Так, по мнению В. Лысенко, одним из первых философов межкультурного направления можно считать индолога Ф.И. Щербатского. На примере его работ В. Лысенко продемонстрировала отличие межкультурной философии от сравнительной. «Щербатской, – пишет она, – сам того не подозревая, провел водораздел между сравнительной и межкультурной философией. Используя кантовскую терминологию в переводе буддийских эпистемологических текстов, он дает пример межкультурной философии – мышления в терминах обеих традиций, которые, по сути, рассматриваются как равнозначные и взаимозаменяемые. Он считал, что индийские и западные философы существуют в едином интеллектуальном поле и могут разговаривать на одном языке, будь то европейский язык или санскрит. <...> У Щербатского “вечным” является не конкретное понятие, или идея, но проблема: для него основой межкультурной философии, если бы он знал и использовал этот термин, был бы универсальный характер некоторых проблем, таких как отношения между разумом и чувствами, реальность эмпирического мира, существование других умов и т.д.» [Там же, 147].

Написанные востоковедами статьи практически не затрагивали историю русской философии, что вполне объяснимо. Однако описание процесса взаимодействия европейской и восточных философий неизбежно вызывало вопрос о том, каким образом западная философия воспринималась в России и возможно ли зафиксировать межкультурное многоголосие в русской философии. Ответу на него посвящено заключение к сборнику, написанное М.Т. Степанянц и озаглавленное «Межкультурное философствование в России» [Степанянц 2020, 358–376]. Историко-философский материал, о котором речь идет в заключении, можно дополнить некоторыми наблюдениями. Конечно, интерпретация русских философов в качестве межкультурных мыслителей представляет собой известную модернизацию, хотя определенные аналогии здесь явно напрашиваются. Не случайно в статьях сборника упоминается теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, обосновывающая равенство цивилизаций и переводы диалогов Платона В.С. Соловьевым. Талант к философскому синтезу делал из В.С. Соловьева, вероятно, одного из самых полифоничных отечественных мыслителей. В то же время ярким проявлением межкультурной философии, возникшим в России из противодействия автохтонной мысли вторжению иного стиля мышления, является учение славянофилов. Обратившись к отечественным истокам любомудрия, славянофилы обнаружили их в святоотеческой традиции. Славянофильское учение о цельной личности, не получившее, к сожалению, подробной разработки, выросло из критики трансцендентальной теории познания. Социальный идеал славянофилов, выраженный в понятии «соборность» и понимаемый как единство во множестве, основанное на свободе и любви, вероятно, может сразу войти в категориальный арсенал межкультурной философии. Славянофильство, таким образом, может быть прочитано как межкультурное многоголосие европейской, прежде всего немецкой, философии и патристики, Ю.Ф. Самарин выразил это в известном высказывании: «Пора нам... уважать и любить только человеческое и отвергать все, в чем нет человеческого, будь оно европейское или азиатское» [Самарин 2013, 151].

Строго говоря, ситуация многоголосия, как показывает история философии, является продуктивной нормой, выпавшей из поля зрения европейской нововременной философии. Межкультурная философия стала реакцией на такое положение вещей, попыткой избавиться от смысловой зависимости, которая стала новой формой интеллектуального колониализма. Межкультурная философия выступает альтернативой таким глобалистским конструктам, как «конфликт цивилизаций» и «конец истории». В то же время открытость проекта межкультурного многоголосия позволяет участнику сборника Ф.М. Виммеру [Степанянц (ред.) 2022, 37–57] рассматривать межкультурную философию в качестве формы подлинного глобализма.

Принцип равенства культур и философских традиций лишь в теоретических построениях выглядит безупречным. Взаимодействие культур и философских традиций неизбежно приведет к влиянию, скорее всего, асимметричному. Одна из философских традиций станет донором, другая – реципиентом.

Западная (европейская) философия, безусловно, отличается таким уровнем развития, который, казалось бы, позволяет диктовать свое видение философии как единственно верное. Тем не менее интерпретационные схемы, выработанные в рамках европейской философии, плохо «работают» на неевропейском материале. Все это ставит вопрос о создании новой модели истории философии.

Полнее всего ее проект представлен в статье Ф.М. Виммера. «Есть два пути к новому взгляду на историю философии, – пишет он. – Во-первых, мы можем проанализировать несостоятельность западного представления о едином континууме, разработанного в историографической традиции современности. Во-вторых, мы можем применять различные категории и концепции из незападных традиций, чтобы сформировать новую историю философии» [Там же, 54].

Содержание истории философии должно выстраиваться вокруг проблем и их трактовок, а не по региональному или персональному принципу. Философские проблемы универсальны и находят отклик в различных философских традициях. Отказ

от европоцентризма приводит и к пересмотру вопроса о происхождении философии, то есть признанию того, что философия имеет более сложную родословную. Идеологией новой истории философии становится полифония. Ф.М. Виммер, обозначая его предпосылки, пишет, что «все традиции мышления эпистемологически эквивалентны друг другу» [Степанянц (ред.) 2022, 41] – новый метод является альтернативой эпистемологическому фундаментализму. Он означает рассмотрение философских проблем в разных философских традициях и, по возможности, их согласованное или взаимное признание, если нет крайних противоречий. Без возможности договориться многоголосие бессмысленно. Просто слышать друг друга недостаточно. Возможность понять и принять другую точку зрения, в свою очередь, предполагает единство человеческого разума, потенциальную конвертируемость философских систем и определенную, хотя бы ограниченную, совместимость традиций.

В то же время полифония как метод таит опасность уравнивания и бесконечного перебора разных точек зрения. Следует понять, все ли точки зрения должны учитываться. Да и о чем спорить, если допустимы разные взгляды, если все правы (хотя бы потенциально)?

Еще одной особенностью межкультурной истории философии является указание на контекстуальность философии или культурную обусловленность способов мышления. Как пишет Ф.М. Виммер, «проблемы, методы, предположения и убеждения философов рождаются в рамках временного, социального и культурного контекста» [Там же, 38]. Философия, таким образом, венчает цепь детерминаций: история и культура – язык – мышление – философия. Новая история философии рассматривает то или иное учение не как готовый продукт, а как результат системы детерминаций. Парадоксальность новой истории философии состоит в том, что, с одной стороны, она признает культурную, религиозную, языковую, историческую, социальную обусловленности философского мышления (что, к слову, ставит под сомнение реальность самого философского мышления). С другой стороны, она намеревается найти точки соприкосновения, общую почву встречи философского мышления, означающие поиск универсальной аргументации (если отказаться от аксиоматики, исходить из автономности каждой философской традиции), максимально удаленной от культурных особенностей. Драматургия межкультурной истории философии строится на противоречии между универсальностью философского мышления и его обусловленностью.

* * *

В подзаголовке книги не случайно указан переход от сравнительной к межкультурной философии. Последняя предполагает возможность обращаться к способам проблематизации, терминологии, интерпретационным схемам более чем одной философской традиции. Различие философий обусловлено множеством культурных традиций, детерминирующих мышление. Однако задача межкультурной философии состоит в том, чтобы показать единство человеческого мышления на фоне этого культурного разногласия, и в этом она, надо согласиться с В. Лысенко, тяготеет к *philosophia perennis* [Там же, 149]. Иначе она рискует перестать быть философией.

Латентная полемика, которую ведут между собой авторы сборника о том, является ли межкультурная философия новым этапом в философии или новой методологией, не имеет однозначного ответа. В любом случае, однако, межкультурная философия заявляет о себе как о новом историко-философском нарративе.

Ссылки – References in Russian

Лысенко 2017 – Лысенко В.Г. Сравнительная философия или межкультурная философия в перспективе постколониальных исследований // Философские науки. 2017. № 5. С. 7–27.

Малинов, Рыбас 2020 – Интеркультурная философия: полилог традиций: Сб. трудов конференции / Отв. ред.: А.В. Малинов, А.Е. Рыбас. СПб.: Интерсоцис, 2020.

Назарова 2021 – Назарова О. О сущностном отличии «меж-» от «интер-»: от межкультурного к интеркультурному философскому полилогу в европейском культурном пространстве // Философский полилог. 2021. № 2. С. 24–42.

Степанянц ред. 2022 – Сравнительная философия: от сравнительной к межкультурной философии / Сост. и отв. ред. М.Т. Степанянц. М.: Наука: Вост. лит., 2022. С. 7–17.

Степанянц 2020 – Степанянц М.Т. Межкультурная философия как эпоха, схваченная в мысли // Философский полилог. 2020. № 1. С. 11–26.

Самарин 2013 – Самарин Ю.Ф. О мнениях «Современника», исторических и литературных // Самарин Ю.Ф. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. Литература и история. СПб.: Росток, 2013. С. 85–151.

Форнет-Бетанкур 2020 – Форнет-Бетанкур Р. Современный мир как вызов интеркультурности // Философский полилог. 2020. № 1. С. 27–39.

References

Fornet-Betancourt, Raúl (2020) “The modern world as a challenge to interculturality”, *Philosophical Polylogue*, Vol. 1, pp. 27–39 (in Russian).

Lysenko, Victoria G. (2017) “Comparative Philosophy or Intercultural Philosophy in the Perspective of Postcolonial Studies”, *Russian Journal of Philosophical Sciences*, Vol. 5, pp. 7–27 (in Russian).

Malinov, Alexey V., Rybas, Alexander E., eds. (2020) *Intercultural Philosophy: Polylogue of Traditions*, Intersocis, Saint-Petersburg (in Russian).

Nazarova, Oksana A. (2021) ‘On how “between” and “inter-” essentially differ: from a dialogue between cultures to an intercultural philosophical polylogue in the European cultural space’, *Philosophical Polylogue*, Vol. 2, pp. 24–42 (in Russian).

Samarin, Yurii F. (2013) “On the opinions of *Sovremennik*, historical and literary”, Samarin, Yurii F., *Collected works*, Vol. 1, Rostock, Saint-Petersburg, pp. 85–151 (in Russian).

Stepanyants, Marietta T. (2020) “Intercultural philosophy as the era grasped in thought”, *Philosophical Polylogue*, Vol. 1, pp. 11–26 (in Russian).

Stepanyants, Marietta T., ed. (2022) *Comparative Philosophy: From Comparative to Intercultural Philosophy*, Nauka, Vostochnaya Literatura, Moscow (in Russian).

Сведения об авторе

МАЛИНОВ Алексей Валерьевич – доктор философских наук, профессор, СПбГУ; ведущий научный сотрудник, НИУ ВШЭ.

Author’s Information

MALINOV Alexey V. – DSc in Philosophy, Professor, St. Petersburg State University, Leading Research Fellow, National Research University Higher School of Economics.